Ферман В. В.

Домик на Всеволожской

Неопубликованная повесть

«Домик на Всеволожской» — такое название дал своей новой книге, которая должна была выйти в 1964 году, детский писатель Г. И. Мирошниченко. Под ним в произведении был выведен дом отдыха работников пищевой промышленности Ленинграда, располагавшийся в посёлке Всеволожский на Волковской улице, близ места её примыкания к Колтушскому шоссе. В годы войны в нём отдыхали лётчики различных авиационных частей, базировавшихся на аэродромах Углово и Приютино.

Первыми в «домике» разместились лётчики 26-го истребительного авиаполка 54-й истребительной авиадивизии ВВС РККА, штаб которого по состоянию на 22 июня 1941 года находился на аэродроме Углово. 7 июля 1941 года полк был передан из ВВС в подчинение войскам ПВО и вошёл в состав 7-го истребительного авиационного корпуса ПВО Ленинграда.

22 сентября 1941 года к ним присоединились лётчики 123-го истребительного авиаполка ПВО, перелетевшего на аэродром Углово. (22 ноября 1942 года полк был переименован в 27-й гвардейский истребительный авиационный полк ПВО).

13 июля 1942 года на аэродром Углово был перебазирован штаб 1-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка ВВС КБФ и к дружной семье лётчиков-истребителей, прикрывавших Ленинград и Дорогу жизни, присоединились лётчики-торпедоносцы. Они проживали в «домике на Всеволожской» до 9 сентября 1943 года, когда штаб 1-го ГМТАП ВВС КБФ убыл в Парголовский район на аэродром Каменка. Именно о них, героях-балтийцах, бомбивших в августе 1941 года Берлин, была написана и подготовлена к печати новая книга писателя Мирошниченко.

Григорий Ильич Мирошниченко

Григорий Ильич Мирошниченко (1904—1985) — советский детский писатель, настоящая биография которого неизвестна, так как он переписывал её много раз.

Согласно официальной биографии, получившей распространение в 1970-е годы, родился 9 (22) января 1904 года, что удивительно — в один день с классиком детской литературы Аркадием Гайдаром (1904—1941), в станице Степано-Ефремовская Донецкого округа области Войска Донского (совр. Миллеровский район Ростовской области) в семье рабочего-железнодорожника.

Согласно официальной биографии — «*потомственный донской казак*», но в военно-учётных документах разных лет записан сначала украинцем, потом русским. С десяти лет работал уборщиком железнодорожного вокзала в Пятигорске. Затем его семья переехала в Невинномысск, где он поступил в железнодорожную школу № 5. После окончания школы в 1920 году, когда Грише

Мирошниченко едва исполнилось 16 лет, он стал командиром кавалерийского полка, чем превзошёл Аркадия Гайдара, который в этом возрасте командовал только ротой. Прошёл в рядах Красной армии от Кубани до границы с Ираном. Участвовал в боях за Грозный, Баладжары, Баку, Астара, Ленкорань, что описал позднее в автобиографической повести «Юнармия».

С другой стороны — неоднократно указывал в автобиографиях, что служил рядовым: «*…В 1920 г., с приходом частей Красной Армии на Кубань…ушел добровольцем…служил рядовым разведчиком в 11-й армии, 28-й стрелковой дивизии…*» (1939), и «*…прошел в качестве рядового конного разведчика по всему Северному Кавказу…*» (1952)[1].

В 1921 году, когда Аркадий Гайдар действительно стал командиром полка, Григорий Мирошниченко уже демобилизовался и пошёл работать слесарем в депо станции Невинномысская, где в 1922 году вступил в комсомол, а в 1923 году «*написал свою первую яростную пьесу о друзьях-комсомольцах*». С 1924-го по 1925 год работал в железнодорожной библиотеке. С 1926-го по начало 1927 года — заведующим вагоном-клубом, тогда же вступил в партию, после чего, согласно одной из своих автобиографий, в 1927—1928 годах занимался реквизицией зерна и организацией колхозов в Невинномысском районе[2].

В 1928 году, согласно официальной биографии, Мирошниченко решил познакомиться с Максимом Горьким и привёз ему в Москву рукопись повести «Юнармия»: «*Живу у Горького день, другой. Неделю, вторую. Он молчит. Не читал ещё, значит. Дел-то у него — по самую макушку. Потом зовёт. Берёт со стола мою рукопись, а сам смеётся, аж слёзы на глазах:*

— Это же надо ухитриться! Триста листов написал, а ни одной запятой, ни единой точки. Учиться тебе надо, брат. Вся страна сейчас за учебники села. Потому что за большое дело народ взялся. А большое дело без грамоты не сделаешь».

После визита к Максиму Горькому Мирошниченко переехал в Ленинград, где занялся образованием и «*твёрдо встал на путь литератора*». В Ленинграде он поступил в Комвуз имени Крупской, который занимался «*подготовкой рабочих и крестьян для работы в области теории и практики коммунизма*», а после его окончания в 1931 году — в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, которую окончил в 1935 году по специальности политработник. Причём все эти годы малограмотный Мирошниченко, по сведениям официальной биографии, совместно с Горьким работал «*над созданием серии книг по истории фабрик и заводов и редактировал журнал «Литературный современник»*».

С другой стороны — в официальной биографии ничего не сказано про сотрудничество Мирошниченко и Ленинградского отделения издательства «Детская литература» под руководством Самуила Яковлевича Маршака (1887—1964) — «*В редакции Маршака привечали всякого рода малограмотных, но бывалых людей, и их интересный жизненный материал превращали в пристойную, «читабельную», как теперь говорят, литературу*», где в начале 1930-х годов переписали «человеческим языком», а затем издали его повесть

[1] *Воронин О. Л.* Партия раскрывается. 2013. Свидетельство о публикации № 213102901266
[2] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 350.

«Юнармия», а также подготовили к печати ряд других его книг для юношества: «Винтовки», «Крутые берега», «Матрос Назукин», «Именем революции»[3].

Огромную работу по подготовке рукописей Мирошниченко к печати выполнила выдающаяся советская фольклористка, переводчица и редактор Александра Иосифовна Любарская (1908—2002). «*Её участие в работе было столь велико и, по убеждению автора, плодотворно, что в оны дни Мирошниченко предложил ей соавторство. «А. Любарская и Г. Мирошниченко». От этой чести она отказалась. Когда, после выхода книги в свет, Мирошниченко получил авторские экземпляры – первый он преподнес Александре Иосифовне с благодарственной надписью. Начиналась она так: «Александре Иосифовне Любарской, героическому редактору...» А кончалась: «Чистосердечно жму руку боевому товарищу»*»[4].

1 июля 1934 года по результатам плодотворного сотрудничества с издательством «Детская литература» его приняли в Союз писателей СССР (членский билет № 1950), а менее чем через два года, в 1936 году произошёл резкий взлёт в карьере писателя Мирошниченко. Связан он был с опубликованным 1 апреля в газете «Литературный Ленинград», а затем 4 апреля в «Правде», письмом к нему французского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе (1915) Ромена Роллана (1866—1944), где, в частности, говорилось: «*Ваша маленькая книга, которую я прочел с величайшим интересом, очень трогательна. Я должен сказать, что, несмотря на то что это — книга для детей, она одна из самых трогательных, которые я читал о гражданской войне, имевшей место в вашей стране*...». Речь в письме шла о повести «Юнармия».

Был, правда, один нюанс — текст опубликованный на русском языке, немного отличался от французского оригинала, где говорилось: «*Ваша маленькая книга, которую моя жена прочла с величайшим интересом и содержание которой она мне рассказала (некоторые места она мне перевела), очень трогательна. Я должен даже сказать, что, несмотря на то что это — книга для детей, она одна из самых трогательных...*». Дело в том, что Ромен Роллан не знал русского языка, поэтому с кратким содержанием повести его ознакомила жена — русская поэтесса и переводчица Мария Павловна Кювилье (1895—1985) (в первом браке княгиня Кудашёва), а вся эта история с письмом, по мнению некоторых современных исследователей, могла быть срежиссирована в НКВД, однако сути дела это уже не меняло — Мирошниченко в одночасье стал новым «классиком» детской литературы, став, наконец, в один ряд с Аркадием Гайдаром.

Конечно не все в Советском Союзе разделяли восторги Ромена Роллана. Например, в дневниковых записях Ольги Берггольц за 13 октября 1936 года есть такая исчерпывающая характеристика — «*абсолютный болван Гриша Мирошниченко*», но это никак не помешало его назначению на должность секретаря парторганизации ленинградского отделения Союза советских писателей СССР. Назначил его бывший тогда первым секретарём Дзержинского райкома партии Алексей Александрович Кузнецов (1905—1950).

[3] *Парамонов Б. М.* Русский европеец Самуил Маршак. 2008
[4] *Чуковская Л. К.* Прочерк. М.: Время. 2009

Г. И. Мирошниченко. 1936 год

Мирошниченко занимал эту должность с августа 1936-го по май 1938 года. Хорошо знакомый с новым секретарём ленинградский поэт и переводчик Лев Савельевич Друскин (1921—1990) так рассказывал о сути его работы: «*В 37-м году в Дом творчества «Коктебель» приехал парторг ленинградской писательской организации Григорий Мирошниченко – дюжий мужчина с хмурым казацким лицом. Он вышел к ужину, поставил перед собой бутылку водки, пил раз за разом, быстро опьянел и вдруг, резко отодвинув тарелку, поднялся. Все оглянулись. «Простите, товарищи, – сказал он, – я должен вас покинуть. Я очень устал. Я боролся с врагами народа». Он пошатнулся и уперся кулаками в скатерть. «Я боролся с врагами народа, – повторил он. – Я приехал сюда отдохнуть. И что же я вижу?» Он обвел всех ненавидящим взглядом: «Кругом одни враги народа. Не с кем за стол сесть!» В столовой повисла абсолютная тишина. Стоило ему захотеть, и назавтра арестовали бы любого. Он повернулся и угрюмо вышел*»[5].

Тогда в ленинградском отделении Союза советских писателей насчитывалось 300 человек, из которых в партии состояли только 32, тем не менее партком обладал в Союзе неограниченной властью. В 1937 году, когда развернулся «Большой террор», по доносам Мирошниченко были репрессированы десятки людей. Сделавшая его писателем редакция «Детская литература» была разгромлена, большинство сотрудников, и в том числе его «*героический редактор*» А. И. Любарская, — арестованы. По доносу Мирошниченко был репрессирован поэт Николай Алексеевич Заболоцкий (1903—1958)[6].

[5] *Друскин Л. С*. Спасённая книга: Воспоминания ленинградского поэта. Лондон. 1984. С. 212

[6] *Золотоносов М. Н.* Гадюшник. Ленинградская писательская организация: Избранные стенограммы с комментариями (Из истории советского литературного быта 1940—1960-х годов). М. Новое литературное обозрение. 2013. С. 210—215

С началом Великой Отечественной войны Григорий Ильич Мирошниченко был призван в армию в звании полкового комиссара. Работал заместителем начальника оперативной группы писателей при Военном совете Балтийского флота, являлся начальником литературного отдела газеты «Краснознамённый Балтийский флот». Согласно официальной биографии: «*В осажденном Ленинграде Григорий Ильич пишет новую книгу — «Гвардии полковник Преображенский», о моряках-балтийцах, в упорных боях защищающих Ленинград*». В действительности же «Гвардии полковник Преображенский» это книга о лётчиках 1-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка ВВС Балтийского флота. Работа над ней продолжалась с ноября 1941-го по май 1942 года. Книга была подписана в печать 10 сентября 1943 года.

Согласно официальной биографии Г. И. Мирошниченко прошёл «*всю войну до последнего дня*», сам он писал, что был «*демобилизован в феврале 1945 года*», однако в партийных документах указано, что в феврале 1945-го он был списан с флота в 24 часа за попытку изнасилования эстонки, у которой снимал квартиру в Таллине.

В 1949 году, уже не будучи секретарём писательской организации, во время расследования так называемого «Ленинградского дела», по результатам которого был расстрелян выдвинувший его на эту должность А. А. Кузнецов, отметился новыми доносами на своих коллег. Среди них лауреат Сталинской премии писательница Вера Казимировна Кетлинская (1906—1976), на которую Мирошниченко уже писал доносы в 1937-м и её муж писатель-маринист Александр Ильич Зонин (1901—1962).

В том же году вышла первая часть его исторического романа «Азов», где он аллегорически изобразил «*себя и своих единомышленников в виде розовых скворцов, а литературных врагов — ядовитыми змеями*» — чёрными гадами, которым скворцы расклёвывали затылки, что, по-видимому, должно было символизировать высшую меру социальной защиты — выстрел в затылок.

В 1958 году у Мирошниченко вышел сборник «Повести военных лет», куда вошла его вторая повесть, посвящённая лётчикам-балтийцам — «Сыны отечества (Гвардии полковник Преображенский)» — практически полностью повторяющая содержание книги «Гвардии полковник Преображенский» 1943 года, за исключением изъятых в соответствии с моментом пространных славословий Сталину и добавлением нескольких новых глав.

В 1960 году вышла вторая часть романа — «Осада Азова», после чего Мирошниченко начал работу над третьей книгой о лётчиках 1-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка ВВС Балтийского флота — повестью «Домик на Всеволожской». В её первых девяти главах во многом повторялось содержание книги 1943 года «Гвардии полковник Преображенский», к которым было добавлено ещё шесть глав с весьма противоречивым содержанием. Выдержки из неё в 1963—1964 годах печатались в газетах «Смена» и «Страж Балтики» (бывший «Красный Балтийский флот») в качестве своеобразной рекламной кампании новой книги, выход которой был запланирован на конец 1964 года, но которого не произошло в связи с рассмотрением персонального дела коммуниста Мирошниченко.

16 января 1959 года на заседании партбюро писательской организации уже обсуждалось недостойное поведение Г. И. Мирошниченко — писатель будучи в нетрезвом виде декламировал в станционном буфете «Житие протопопа Аввакума» с матерными выражениями[7]. Тогда Мирошниченко дал слово больше не появляться пьяным на людях, лёг лечиться от алкоголизма в больницу и от него отстали, но теперь ситуация была куда серьёзней.

3 декабря 1964 года на районной партконференции первый секретарь Дзержинского райкома партии Нина Сергеевна Косарева обвинила Г. И. Мирошниченко в получении нетрудовых доходов, что стало поводом для рассмотрения его персонального дела на закрытом партийном собрании писательской организации состоявшемся 23 декабря. Партсобрание должно было рассмотреть только тот факт, что получив от писательской организации участок в Комарово, Мирошниченко построил в 1954 году на нём большую дачу с несколькими входами и в течение десяти лет сдавал комнаты посторонним людям «*по высоким ценам*», то есть получал нетрудовые доходы, но сразу всё пошло не так.

Товарищи по партии припомнили Г. И. Мирошниченко многолетнюю неуплату партийных взносов — ещё «*28 июня 1961 года на заседании бюро Мирошниченко был объявлен выговор с занесением в учетную карточку за систематическую неуплату партвзносов*», однако он всё равно отказывался их платить, хотя регулярно получал зарплату выше 300 рублей в месяц. Ещё вспомнили, что в прошлом трижды разбирали дела по избиению пьяным Мирошниченко своей жены, матери и сына: «*Жена показала на побои, на подожженное папиросой лицо, говорила о том, что он таскал ее за волосы и кричал, чтобы она скорее умирала... жаловалась, что в семье очень тяжелое материальное положение, занимают по 70 копеек на хлеб, а все, что он получает, он пропивает*». Вспомнили случай в 1942 году, когда умирал комиссар танковой части, а «*Мирошниченко не отпускает его на тот свет, требует, чтобы он успел подписать бумагу или на медаль, или на орден. Все танкисты были возмущены*», а также попытку изнасилования эстонки в 1945 году. Но главным стало обвинение в ложных доносах, которые писал коммунист Мирошниченко в 1937-м и 1949 годах.

Абсолютным большинством голосов «*за поступки, несовместимые со званием члена партии... за нарушение партийной дисциплины, аморальное поведение и получение нетрудовых доходов*» Г. И. Мирошниченко был исключён из рядов КПСС[8].

В 1965 году бюро Дзержинского райкома КПСС заменило исключение из партии строгим выговором, а во всеволожской районной газете «Невская заря» появилась новая рубрика — «Вспомним, товарищ!», которую на общественных началах вёл Г. И. Мирошниченко, где он продолжил публикацию материалов о лётчиках 1-го ГМТАП под общим названием «Домик на Всеволожской».

В марте 1967 года бюро Дзержинского райкома КПСС сняло и строгий выговор.

---

[7] ЦГАИПД. Ф. 2960. Оп. 6. Д. 15.

[8] *Золотоносов М. Н.* Гадюшник. Ленинградская писательская организация: Избранные стенограммы с комментариями (Из истории советского литературного быта 1940—1960-х годов). М. Новое литературное обозрение. 2013. С. 97—115

В 1972 году вышла его четвёртая книга о лётчиках 1-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка ВВС Балтийского флота — «Ветер Балтики». В неё вошла большая часть неизданной повести «Домик на Всеволожской» за исключением самых одиозных мест, противоречащих как историческим фактам, так и здравому смыслу.

Умер в 1985 году в Ленинграде. При жизни, по воспоминаниям коллег-писателей, «*его ненавидели все, кто знал*».

Награды: орден Красной Звезды (18.07.1944), медали «За отвагу» (04.02.1942), «За оборону Ленинграда» (12.12.1942), «За боевые заслуги» (03.11.1944), «За взятие Кенигсберга» (дата не указана), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945). В 1967 году был удостоен звания «Почётный гражданин города Азова № 1» за то, что «*своими произведениями прославил город Азов*». Одна из его улиц носит имя Григория Мирошниченко. В Азове ему установлен памятник.

В настоящее время повесть «Домик на Всеволожской» существует в единственном экземпляре, который хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга и представляет собой 155 машинописных страниц с авторской правкой.

Книга состоит из пятнадцати глав:

Глава 1. Конец июня — начало августа

Глава 2. О, Геббельс, Геббельс

Глава 3. Бесстрашие русских

Глава 4. Возмездие

Глава 5. Сыновья Балтики

Глава 6. Шлем Героя

Глава 7. Ночь на 27 августа

Глава 8. Россия бессмертна

Глава 9. Первый из нашей гвардии

Глава 10. За русскую доблесть

Глава 11. Гвардейская ночь

Глава 12. Ещё одна ночь

Глава 13. Над Ладогой

Глава 14. Гибель героя

Глава 15. Красуйся град Петров

Заглавие — «*Домик на Всеволожской. Документальная повесть о 43-х богатырях — Героях Советского Союза защищавших Ленинград, Балтийское небо, моря и землю, включая полуостров Ханко. Ленинград. 1964*», написано от руки и приложено к ней на отдельном листе бумаги[9].

При этом важно отметить — нигде в тексте книги нет утверждения, что в «домике на Всеволожской» проживали сорок три Героя Советского Союза. Нет его ни в первой книге Мирошниченко о лётчиках-балтийцах — «Гвардии полковник Преображенский» 1943 года, ни в последней — «Ветер Балтики», вышедшей в 1972 году. Если что и писал об этом Мирошниченко: «*Да, здесь были героями все: летчики, штурманы, стрелки-радисты, техники, прибористы, синоптики, оружейники, мотористы... Все*».

[9] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-486. Оп. 1. Д. 10, 11

Откуда же тогда взялся миф о 43-х Героях Советского Союза, проживавших в одном доме на всеволожской земле?

Награждение героев

Попробуем разобраться по порядку. Первые главы всех этих книг посвящены подготовке к выполнению задания и беспримерному подвигу лётчиков 1-го минно-торпедного авиационного полка КБФ — бомбардировке Берлина в августе-сентябре 1941 года.

1 августа 1941 года для выполнения спецзадания Верховного Главнокомандования особая авиагруппа из 15 дальних бомбардировщиков ДБ-3Ф 1-го минно-торпедного авиаполка КБФ была перебазирована с аэродрома Беззаботное (дер. Горбунки Красносельского района — совр. Ломоносовский район Ленинградской обл.) на аэродром Кагул на острове Эзель (совр. Саарема, Эстония), находившийся фактически в тылу наступавших немецко-фашистских войск. Экипажи в неё отбирались из 1-го МТАП и 57-го бомбардировочного авиаполка КБФ.

7 августа 1941 года группа из десяти самолётов под командованием полковника Е. Н. Преображенского совершила первый в ходе Великой Отечественной войны налёт на Берлин.

Бомбардировки Берлина продолжались с 7 августа по 5 сентября. Всего было совершено девять налётов, 84 самолётовылета, из них 50 непосредственно на Берлин. Совместно с экипажами 1-го МТАП налёты на Берлин выполняла группа из 20 самолётов ДБ-3Ф дальней авиации ВВС под командованием майора В. И. Щелкунова, взлетавших с аэродрома Астэ на острове Эзель.

13 августа 1941 года был подписан указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» лётчикам 1-го МТАБ полковнику Е. Н. Преображенскому, капитанам В. А. Гречишникову, А. Я. Ефремову, М. Н. Плоткину и штурману капитану П. И. Хохлову. Кроме того, орденом Ленина были награждены 12 человек, орденом Красного Знамени — 21 человек, орденом Красной Звезды — 20 человек, медалью «За боевые заслуги» — 14 человек.

7 ноября 1941 года командующий Краснознамённым Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц, члены Военного совета КБФ контр-адмирал Н. К. Смирнов и генерал-майор А. Д. Вербицкий вручили героям правительственные награды[10]. Документального описания церемонии награждения не сохранилось, но писатель Мирошниченко уверенно «назначает» его на 6 ноября 1941 года — «*накануне годовщины Октября*», в «домике на Всеволожской».

— Из повести «Гвардии полковник Преображенский» (1943), глава «Сыновья»:

Сыновья Краснознаменной Балтики должны были собраться в маленьком уютном доме за городом Ленина, в лесу.

Четыре высоких окна, верандочка, крытая тесом, два слуховых окошка и тонкий, едва

[10] *Трибуц В. Ф.* Балтийцы сражаются. — М.: Воениздат, 1985. 463 с.

приподнявшийся шпиль. Это был дом отдыха Энской авиабригады. Сюда часто съезжались лучшие люди: сюда приезжали из Москвы, из Ленинграда, из штаба Балтийского флота. И все, кто побывали в этом доме, на всю жизнь запоминали резные ставни, откинутые настежь весёлые окна, покатые ступеньки и стеклянную синюю ручку на парадном крыльце.

В доме лишнего ничего не было: по середине большой комнаты стоял стол, покрытый голубым сукном, графин с водой, прозрачной, как слеза, и вокруг стола несколько стульев.

Как-то с утра у домика остановилась легковая машина. Краснофлотец-шофер открыл дверцу. Вышли член Военного Совета Балтфлота, командующий флотом, вице-адмирал Трибуц, второй член Военного Совета Ленинградского фронта.

Они вошли в залитую солнцем просторную комнату. За окном шуршала листва. Слышался запах березы и из лесу доносилась звонкая песня отдыхающих летчиков[11].

— Из повести «Домик на Всеволожской» (1964), глава «Сыновья Балтики»:

Сыновья Балтики должны были собраться в маленьком уютном доме за городом Ленина.

Четыре высоких окна, верандочка, крытая тесом, два слуховых окошка и тонкий, едва приподнявшийся шпиль. Это был дом отдыха нашей авиабригады. Сюда часто съезжались лучшие люди: сюда приезжали из Москвы, из Ленинграда, из штаба Балтийского флота. И все, кто побывали в этом доме, на всю жизнь запоминали резные ставни, откинутые настежь весёлые окна, покатые ступеньки и стеклянную синюю ручку на парадном крыльце.

В доме лишнего ничего не было: по середине большой комнаты стоял стол, покрытый голубым сукном, графин с водой, прозрачной, как слеза, и вокруг стола несколько стульев.

Как-то с утра у домика остановилась легковая машина. Краснофлотец-шофер открыл дверцу. Вышли член Военного Совета Балтфлота, командующий флотом, вице-адмирал Трибуц, второй член Военного Совета Ленинградского фронта.

Они вошли в залитую солнцем просторную комнату. За окном шуршала листва. Слышался запах березы и из лесу доносилась звонкая песня отдыхающих летчиков[12].

— Из повести «Ветер Балтики» (1972), глава «Твои герои, Балтика!»:

После перелета с Эзеля летчики 1-го минно-торпедного полка базировались в поселке под Ленинградом.

Четыре высоких окна, верандочка, крытая тесом, два слуховых окошка и тонкий, едва приподнявшийся шпиль. Здесь жили летчики и штурманы полка. И все, кто побывал в этом доме, запомнили резные ставни, откинутые настежь, веселые окна, покатые ступеньки и стеклянную синюю ручку на парадном крыльце.

В доме ничего лишнего: посредине комнаты - стол, покрытый голубым сукном, графин с водой, прозрачной, как слеза. Вокруг стола - несколько стульев.

У домика остановилась легковая машина. Из нее вышли командующий флотом вице-адмирал Владимир Филиппович Трибуц и член Военного совета Балтфлота Николай Константинович Смирнов[13].

Исходя из этих отрывков, складывается впечатление, что в «домике на Всеволожской» писатель никогда не был, а сцену награждения выдумал от начала до конца, так как:

---

[11] *Мирошниченко Г. И.* Гвардии полковник Преображенский. *Л.*: ОГИЗ Гослитиздат. 1943. 158 с.
[12] *Мирошниченко Г. И.* Домик на Всеволожской. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-486. Оп. 1. *Д.* 11.
[13] *Мирошниченко Г.И.* Ветер Балтики. — М.: ДОСААФ. 1972. 128 с.

во-первых, после эвакуации 6 сентября 1941 года с острова Эзель летчики 1-го минно-торпедного полка, согласно воспоминаниям штурмана П. И. Хохлова, вернулись на свою основную базу — аэродром Беззаботное, откуда в начале октября полк перебазироваться вне кольца блокады — на аэродромы Новинка и Богослово Пестовского района Ленинградской области (совр. Новгородская обл.)[14]. По другим данным, полк перебазировался в Пестовский район ещё в августе[15]. Поэтому, даже если принять во внимание, что в ноябре 1941 года аэродром Углово использовался отдельными экипажами 1-го МТАП для дозаправки и перевооружения, штаб и личный состав полка находился тогда в Пестовском районе, где и проходило награждение.

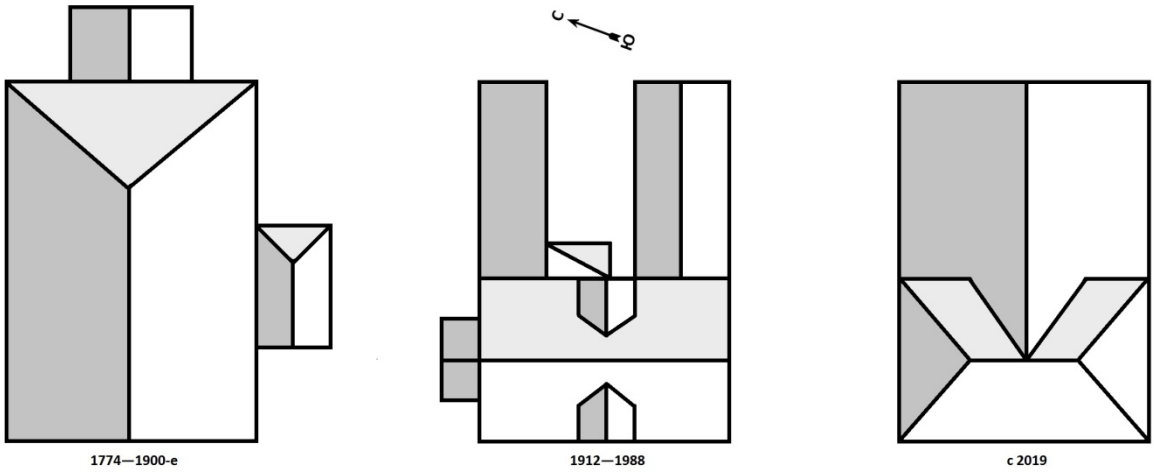
во-вторых, *в маленьком уютном доме за городом Ленина* с любой стороны было больше четырёх окон, три слуховых окна и вовсе не было никакого шпиля, равно, как и резных ставень. В этом легко убедиться, если взглянуть на старые фотографии «домика» или на его макет, находящийся в экспозиции музея «Дом авиаторов».

Макет дома отдыха работников пищевой промышленности по состоянию на 1941—1945 гг.

Изначально здание сыроварни барона И. Ю. Фридрикса 1774 года постройки было одноэтажное с мансардой. В 1900-е годы оно было перестроено и к началу Первой

[14] *Хохлов П. И.* Над тремя морями. *Л.* Лениздат. 1988.
[15] *Тимофеев Л. В.* Полк Преображенского. Всеволожские вести. 15.08.2003

мировой войны представляло собой П-образное в плане сооружение с крыльцом на северной стороне здания. В 1930-е годы на месте крыльца была возведена двухэтажная веранда. В ходе реконструкции 1988—2019 годов зданию был возвращён единый объём, а мансарда в западной части дома была превращена в полноценный второй этаж.



План-схема сыроварни И. Ю. Фридрикса в разные годы

А уж открытые в ноябре окна (снег в 1941 году выпал 10 октября), шуршание листвы и запах берёзы, это и вовсе из области фантастики!

В дальнейшем описании награждения есть упоминание о гибели представленного к высшей государственной награде командира 2-й эскадрильи Василия Алексеевича Гречишникова.

— «Гвардии полковник Преображенский» (1943), глава «Сыновья»:

Спокойнее других подошел капитан Михаил Плоткин.

— Спасибо вам, товарищ Сталин — тихо вдруг сказал он. Я очень волнуюсь. Простите. Хотел бы сказать, что летчики наши...

Но руки капитана Плоткина дрожали. Плоткину помогли: Орден и Золотую Звезду прикололи к кителю.

— Спасибо Сталину,— воскликнули летчики,

— Да здравствует Сталин!

— Сыновья! — обратился тогда с призывом Командующий, — на нас лежит долг! За нами славная месть немцам за героя Гречишникова....

Маленький, уютный и чистый домик среди деревьев. Скромное место, недалёкое от Ленинграда. А сколько славных дел дано было увидеть ему? Незабываемое место!

— «Домик на Всеволожской» (1964), глава «Сыновья Балтики»:

За нами славная месть немцам за героя Гречишникова...

Под городом Тихвин на горящем самолёте В. А. Гречишников бросился в середину танковой колонны. Своей смертью он остановил врага. ***Перед этим он видел свою золотую звезду под № 613. Он держал её на ладони своей руки, но ему не пришлось носить её на своей богатырской груди.*** (Но, ведь награждение состоялось через две недели после его гибели)

— «Ветер Балтики» (1972), глава «Твои герои, Балтика!»:

По-медвежьи подошел к командующему Михаил Плоткин.

— Спасибо, товарищ командующий, — сказал Плоткин — Спасибо Родине! Речей держать не умею. А сказать хочется много. Но скажу только: мы еще не такое устроим гитлеровцам! Непременно устроим! Не сомневайтесь!

Командующий флотом был доволен, что смог познакомиться с прославленными балтийскими летчиками, и только ***горько сожалел, что не довелось вручить Золотую Звезду № 613 и орден Ленина Василию Алексеевичу Гречишникову.***

Получается, писатель знал о том, что 24 октября 1941 года экипаж В. А. Гречишникова погиб, но почему-то исказил обстоятельства и место гибели. В восьмой главе повести «Домик на Всеволожской» (1964) — «Россия бессмертна», Мирошниченко, который, по его уверениям, всё это время жил с лётчиками в «домике на Всеволожской» пишет: «*Проходим Тихвинский канал. Подборье, Батаево, Белый Бычок. Здесь погиб В. А. Гречишников*», но это неправда.

На самом деле экипаж В. А. Гречишникова погиб во время бомбардировки танковой колонны врага на дороге Чудово — Будогощь, в районе рабочего посёлка Грузино Чудовского района Ленинградской области (совр. Новгородская область), а это минимум в 100 км от места указанного Мирошниченко. И уходил он в свой последний полёт не с аэродрома Углово, а с аэродрома Новинка, что в 240 километрах к востоку от Новгорода.

И дальше писатель продолжил щедро добавлять в «документальную повесть» выдуманные подробности.

Берёзка

В шестой главе повести «Домик на Всеволожской» (1964) — «Шлем Героя», писатель Мирошниченко внезапно переносит действие из посёлка Всеволожский на аэродром Новинка Пестовского района, где действительно базировались самолёты 1-го МТАП:

«*Выйдя из этого маленького домика в маленькой деревне Трибесово... в 25 километрах от станции Пестово, река Волдомица, приток Мологи. От мельницы дорога шла к аэродрому, в старину по ней ездили тарантасы князей Куракиных, князей Всеволожских, помещиков Шуваловых. А в наше время очень часто ходил Василий Алексеевич Гречишников...разговаривал с крестьянам*».

И тут же начинает вводить своих читателей в заблуждение:

во-первых, деревня *в 25 километрах от станции Пестово*, от которой через водяную мельницу шла дорога к аэродрому Новинка, называлась Требесово. Деревня же *Трибесово* находилась совсем в другом месте — в Красногородском районе Калининской области (совр. Псковская область).

от пос. Пестово до д. Новинка 12 км на юг, деревня находится на берегу Мологи
от д. Новинка до д. Требесово 2 км на юго-запад, деревня находится на берегу Волдомицы
от пос. Пестово до д. Богослово 30 км на северо-запад

во-вторых, ну откуда в Пестовском районе взялись тарантасы Всеволожских, да ещё и князей? Писатель явно где-то слышал легенду о «князьях Всеволожских», но смешал в одну кучу описание посёлка Всеволожский, в котором никогда не был, с двумя новгородскими деревнями, куда он для пущей важности отправил тарантасы *князей Куракиных* с помещиками Шуваловыми, которых там тоже никогда не водилось, а водились созвучные им Карауловы и Ушаковы.

Мало того, Мирошниченко придумал прекрасный литературный символ — две берёзки, которые, по его мнению, Василий Алексеевич Гречишников посадил в деревне Требесово и посёлке Всеволожский в знак дружбы с лётчиком М. Н. Плоткиным:

— «Домик на Всеволожской» (1964), глава «Шлем Героя»

«*При жизни он посадил в знак дружбы с Михаилом* [Плоткиным, — Авт.] *две берёзки. Одну возле песчаной горы на Всеволожской, другую у деревни Трибесово. Тонкие берёзки, посаженные Гречишниковым, растут и поднимаются всё выше и выше*».

Здесь нужно отметить, что годом раньше, в 1963 году в газете «Смена» Г. И. Мирошниченко опубликовал рабочий материал из книги «Домик на Всеволожской» под названием «Домик во Всеволожском», где уже упоминал берёзку, но одну: «*Дом отдыха «Сосновка». Здесь расположен домик 43 героев. Здесь за невысоким забором во дворе домика растёт берёзка. Её посадил в 1942 году Герой Советского Союза Василий Александрович Гречишников*», но тогда он не указал в знак чего это было сделано и кощунственно «назначил» дату посадки берёзки на 1942 год, когда Гречишникова уже не было в живых.

Тем не менее, этот символ подхватили авторы вышедшей в 1966 году брошюры «Всеволожск», Григорий Иосифович Зеленин и Александр Фёдорович Фёдоров:

— «Всеволожск» (1966), глава 6:

«*В самом начале войны в этом домике поселились балтийские военные лётчики под командованием полковника Е. Н. Преображенского. А нежную берёзку во дворе посадил один из них — капитан Василий Гречишников... Это он с 6 на 7 августа 1941 года первым повёл группу тяжёлых бомбардировщиков на Берлин.*

Сорок три лётчика, и все сорок три — герои Советского Союза— жили в этом скромном домике на Колтушском шоссе»[16].

Они не только добросовестно повторили выдумки Мирошниченко о берёзке и 43-х Героях Советского Союза, якобы, проживавших в годы войны в «домике на Всеволожской», но и кое-что добавили от себя. После прочтения этой публикации читатели оставались в полной уверенности, что лётчики 1-го МТАП поселились в посёлке Всеволожский *в самом начале войны*, и оттуда на Берлин героев-балтийцев повёл не командир полка Е. Н. Преображенский, а командир эскадрильи В. А. Гречишников, что совсем не так.

И в последней своей книге о лётчиках-балтийцах Мирошниченко остался верен себе:

— «Ветер Балтики» (1972), глава «Гвардейцы уходят в ночь»

«*В посёлке под Ленинградом, откуда В. А. Гречишников ушел в свой последний боевой вылет, он посадил березку. И поныне стоит березка Гречишникова — стройная, высокая, шумит буйной листвой, словно рассказывая о боевой жизни летчика. К этой березке приходят школьники из Ленинграда, приезжают комсомольцы из Саарема, пионеры из Грузино, из дальних городов. Бывают здесь и друзья. Часто навещают березку Оксана Николаевна Гречишникова с дочерью Валентиной*».

Здесь опять фигурирует берёзка, которую В. А. Гречишников никак не мог посадить *в посёлке под Ленинградом*, потому что никогда в нём не был, равно, как и уйти *в свой последний боевой вылет* из «домика на Всеволожской». Ну, если бы это было

[16] *Зеленин Г. И., Фёдоров А. И.* Всеволожск. 1966. С. 51

художественное произведение, то можно было бы сказать, что автор так видит, но Мирошниченко позиционирует свою повесть как документальную и поэтому самозабвенно врёт.

Но и это ещё не всё. В 1990-е годы возле стен разрушенного в процессе реконструкции дома отдыха «Сосновка», возле одной из берёз, была установлена памятная табличка с текстом: «*Берёза была посажена Героем Советского Союза Гречишниковым В. А. в августе 1941 года после 1 полёта на Берлин*». Миф созданный детским писателем Мирошниченко надолго пережил своего автора. До сих пор у стены музея «Дом авиаторов» стоит табличка с выдуманной им информацией.

1990-е годы

2022 год

Для чего это нужно неясно, так как вряд ли подлог может поспособствовать патриотическому воспитанию молодёжи — в XXI веке любой школьник за минуту может найти в интернете информацию о боевом пути 1-го МТАП и убедиться, что после первого полёта на Берлин в августе 1941 года экипаж В. А. Гречишникова вернулся на остров Эзель, звание Героя Советского Союза он получил посмертно и на всеволожской земле до своей гибели в октябре 1941 года никогда не был.

Дай бог, чтобы посетители музея воспринимали эту выдумку лишь как досадный курьёз, которых во Всеволожске ещё хватает.

Гвардейское знамя

18 января 1942 года вышел приказ наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова, согласно которому 1-й минно-торпедный авиационный полк «*за мужество и героизм, проявленные в боях с врагом*» был преобразован в 1-й гвардейский минно-торпедный авиационный полк ВВС КБФ и стал первой гвардейской частью авиации ВМФ.

21 февраля 1942 года на аэродроме Новинка командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц и командующий ВВС КБФ генерал-майор авиации М. И. Самохин вручили полку гвардейское знамя. Фронтовые кинооператоры А. Ерин и А. Назаров сняли сюжет под

названием «Клятва гвардейцев» и это событие в киножурнале «Новости дня» увидела вся страна.

По случаю торжества командование полка распорядилось дать праздничный обед личному составу. Вот, как его описывает один из тех кто лично принимал гвардейское знамя, Герой Советского Союза флагштурман полка Пётр Ильич Хохлов:

«*Белоснежными скатертями покрыты длинные, составленные в несколько рядов столы. Слева разместился личный состав первой и четвертой эскадрилий, справа — второй и пятой, в центре — третьей Краснознаменной и управление полка. Настроение у всех приподнятое, радостное, хотя каждый знает, что на аэродроме шесть экипажей — в полной готовности. Ибо в любой момент может поступить сигнал на вылет, и тогда эти экипажи окажутся где-то далеко — в районах Пушкина или Гатчины, Пскова или Новгорода... И возможно, не все вернутся обратно на свой аэродром...*

Долго мы делились своими мыслями, воспоминаниями. О боях, о семье, о Родине».

Но воспоминания П. И. Хохлова писателю Мирошниченко не указ. По «воспоминаниям» Мирошниченко всё было не так.

— «Домик на Всеволожской» (1964), глава «За русскую доблесть»

«*Три стола, для 1-й, 2-й, 3-й эскадрилии и отдельный стол для начальства и выдающихся лётчиков.*

... на столах разные кушанья, живые цветы, жареный поросёнок с белыми, оскаленными зубами. Ленинградцы из живых цветов сделали бомбардировщик, они привезли с собой столичные вина, шампанское, простую водку.

Комиссар Оганезов сказал: «К нам на праздник пожаловала народная артистка Екатерина Павловна Корчагина-Александровская». Она поздравила лётчиков от имени женщин-ленинградцев.

Из Кронштадта прибыл майор Белоусов».

По «воспоминаниям» Мирошниченко торжество проходило в «домике на Всеволожской», куда истощённые ленинградцы, якобы, привезли столичные вина, жареного поросёнка и живые цветы, из которых сделали бомбардировщик. Хотелось бы напомнить, что в феврале 1942 года в Ленинграде умерли от голода 130 000 человек. Похоже, что у Мирошниченко совсем не было совести.

И что характерно, Мирошниченко нигде не упоминает о проживавших вместе с балтийцами в «домике на Всеволожской» лётчиках 26-го и 123-го истребительных полков ПВО, в каждом из которых служило по шесть Героев Советского Союза, видимо, потому что никогда в нём не был и поэтому просто не знал об их нахождении в этом доме отдыха.

Кроме того, Мирошниченко умудрился «пригласить» на праздник народную артистку СССР Е. П. Корчагину-Александровскую, которая вместе с Государственным театром драмы им. А. С. Пушкина была эвакуирована в Новосибирск в сентябре 1941 года.

Он, кстати, уже писал о её приезде в «домик на Всеволожской» годом раньше в одноимённой рубрике в газете «Смена», но совсем другое:

«*В «домик» только что прибыла знаменитая народная артистка Корчагина-Александровская.. О её приезде знали все... Как же «тётю Катю» (так звали её в народе) не*

встретить по особому! И это особое заключалось в том, что весь двор домика утопающий в зелени, убрали, как игрушечку.

Весельчак-смельчак штурман Афанасьев говорил...

— Это, братцы мои, кубанцы, донцы и терцы, актёры — народ особенный. Одни драпанули на сытые хлеба в Алма-Ату, а эта тётя Катя не та! Хорошая артистка!

— Ну как, ребята, — спрашивала «тётя Катя», переступив порог знаменитого дома. — Воюете?

— Воюем! — Отвечали ей ребята...

— Хорошо! — сказала Корчагина-Александровская и по-матерински улыбнулась. — Чудеса в мире происходят. Вышел из театра, закончив игру, и дуй прямо на фронт. Хочешь езжай на трамвае, хочешь пешком иди! Забыла, трамваи-то не ходят...»

Согласно газетной публикации, дело происходило летом, а раз трамваи в Ленинграде уже не ходили, то, получается, летом 1942 года. В ней же писатель «живший вместе с лётчиками» и, якобы, видевший всё своими глазами, утверждал, что аэродром находится за забором «домика»: «*Было получено срочное боевое задание... Лётчики получив приказ вышли из «домика», быстро направились к самолёту*» и вновь беззастенчиво лгал.

На этом Мирошниченко не остановился. Восемь лет спустя, в своей четвёртой книге о героях-балтийцах он довёл свои выдумки до уровня фантасмагории.

— «Ветер Балтики» (1972), глава «Слушай, гвардия!»

«*По случаю вручения полку Гвардейского знамени Преображенский распорядился дать праздничный обед.*

Белоснежными скатертями покрыты длинные, составленные рядами столы. Слева разместились летчики перовой эскадрильи, справа — второй, в центре третья Краснознаменная эскадрилья. На столах — скромные кушанья, но зато в центре — румяный, зажаренный поросёнок.

Ленинградцы, несмотря на то, что в городе голодно, раздобыли даже несколько бутылок шампанского.

Расселись по своим местам хозяева и гости. Настроение торжественное, хотя каждый знал, что в любую минуту может завыть сирена воздушной тревоги. Тогда комната мгновенно опустеет, а летчики окажутся далеко за посёлком, где-то в стороне Пушкина, Гатчины, над Псковом, а может, и еще дальше, над Великим Новгородом. Иные уйдут на свободный поиск вражеских кораблей в Балтийское море. Некоторые из них вернутся со славой, а кое-кто может и не возвратиться...

Дверь широко распахнулась. Вошла пожилая женщина невысокого роста. Широкое русское лицо, задорное, хотя и немолодое. На плечи накинута шаль. Все молча встали. Женщина улыбнулась и низким голосом сказала:

— Здравствуйте, товарищи гвардейцы!

— Здравия желаем! — ответили дружно.

— Екатерина Павловна, — сказал вошедший следом комиссар. — Народная артистка Советского Союза Екатерина Павловна Корчагина-Александрова пожаловала к нам на торжественный праздник!

И что тут сделалось!

Она поправила пеструю шаль, смеясь, сказала:

— Зовите меня просто — тетя Катя! Так многие меня зовут. А приехала я к вам не одна, с нами и Николай Черкасов, и Клавдия Шульженко, и композитор Дмитрий Шостакович. Сегодня у вас большой гвардейский праздник. И ваш, и наш. И будет большой концерт!

Минуту спустя дежурный доложил снова: к месту своего нового назначения по службе прибыл на должность заместителя командира полка Герой Советского Союза майор Николай Васильевич Челноков.

...Праздник удался на славу. До поздней ночи играли, пели, танцевали».

Однако, все эти звёзды советского искусства физически не могли находится ни вместе, ни по отдельности, ни в «домике на Всеволожской», ни на аэродроме Новинка.

Н. К. Черкасов выступал в госпиталях Новосибирска. В составе фронтовой бригады артистов Пушкинского театра он вернулся в Ленинград лишь в декабре 1942 года. К. И. Шульженко ежедневно выступала с концертами на ленинградских заводах и на передовой, в феврале 1942 года от голода умер её отец и три артиста её ансамбля. Композитор Д. Д. Шестакович 21 февраля 1942 года находился в Москве, где с оркестром Большого театра готовился к премьере своей Седьмой симфонии, состоявшейся 5 марта в Куйбышеве.

Видимо, поэтому эпизод с известными всей стране артистами и не упоминается в воспоминаниях непосредственных участников праздничного обеда — Героев Советского Союза И. П. Хохлова и А. В. Преснякова[17].

На этом фоне ещё одна ложь от Мирошниченко о прибытии в день праздника к месту своего нового назначения по службе майора Н. В. Челнокова смотрится досадной неувязкой, ведь на самом деле Николай Васильевич Челноков был назначен заместителем командира полка только в апреле 1942 года.

Полёт над Ладогой

Но и на этом Мирошниченко не успокоился.

В 1958 году в повести «Сыны отечества (Гвардии полковник Преображенский)» он так описывал перелёт девяти бомбардировщиков полка Преображенского через Ладожское озеро зимой 1942 года:

— «Сыны отечества (Гвардии полковник Преображенский)» (1958), глава «Над Ладогой»

«Рысенко не сразу заметил впереди по курсу темную тучу. Но то не туча была, а эскадра из двадцати семи вражеских истребителей...

— Строго держаться строя, — поступил приказ полковника...

Самолет идет прямо. Похоже, что Михаил решил врезаться тараном в эту густую тучу истребителей. Да он другого решения принять и не мог. Ясно сказано командиром: «строго держаться строя»...

Для устрашения один «смельчак» из вражеской армады вырвался кверху и стал кувыркаться мячиком, показывая фигуры действительно высокого пилотажа...

[17] *Хохлов П. И.* Над тремя морями. *Л.* Лениздат. 1988. 240 с.; *Пресняков А. В.* Над волнами Балтики. М. Воениздат. 1979. 299 с.

Вражеская эскадра истребителей берет нас в крепкие клещи. Она разорвалась на четыре части; по носу — одна, лобовая, слева и справа — фланговые, сверху — центральная, нападающая!

Воздушный «акробат» с диким ревом мотора сваливается с неба на машину Плоткина. Мишенька Кудряшов, кудесник Кудряшов, ждал этого, — он дал короткую, но меткую очередь. Лихой «акробат», словно с каната сорвавшись, едва не задев хвост нашей машины, воспламенился и врезался мотором, словно копьем, в землю.

Пламя и черный дым сразу поднялись из земли шаром, и больше мы не видели фашиста. Стрелок-радист Петров двумя пулеметными очередями свалил на землю еще одного воздушного наездника, а стрелки Борзова сбили две вражеские машины.

Пулеметы нашей эскадрильи работали интенсивно. И головная вражеская туча самолетов не выдержала: взмыла вверх, не приняв боя. Фронт вражеских истребителей был прорван. Но в воздухе появляется новая вражеская армада. Что делать? Неужели бой закончится уничтожением наших бомбардировщиков?

Вдруг новая туча истребителей ринулась на врагов, и в воздухе закрутилась такая «карусель», какой еще не приходилось видеть. Это были истребители Ивана Романенко»[18].

Можно было бы, конечно, придраться к тому, что бой шёл над покрытой льдом Ладогой, а вражеский самолёт *врезался мотором, словно копьем, в землю*, а затем *пламя и черный дым сразу поднялись из земли*, но по сравнению с тем, как тот же бой описан у него в книге «Домик на Всеволожской», это мелочи.

— «Домик на Всеволожской» (1964), глава «Над Ладогой»

Мне было предложено лететь вместе с экипажем М. Н. Плоткина во время перегона самолётов из Трибесово... Девять бомбардировщиков летят в Ленинград... Вдруг на горизонте показалась чёрная туча. Нам на встречу над Ладогой шёл полк немецких истребителей. Один из них показывал фигуры высшего пилотажа над основной группой, видимо немецкий «асс»...

Полковник Преображенский приказал курс не менять. Плоткин пошёл на таран. Немцы разделились на четыре части, одна зашла слева, вторая справа, третья спереди, четвёртая сверху. Завязался бой. Стрелок Плоткина сбил немецкого «асса»...

«У меня нет пулемёта, я в кабине штурмана Рысенко пассажиром. Достал из кобуры личный ТТ, потому что был случай, когда один лётчик, когда у него кончились боеприпасы, застрелил немецкого лётчика из пистолета и немецкий самолёт врезался в землю...

Немцы посыпались на землю... Мы отбились. Но тут впереди появилась вторая немецкая эскадра... Её прогнала эскадра наших истребителей...

Все самолёты благополучно приземлились. Было несколько легко раненых».

Эскадра — организационная единица германских военно-воздушных сил времён Второй мировой войны. В среднем, в составе эскадры насчитывалось от 100 до 120 самолётов. В СССР основной тактической единицей был авиационный полк, насчитывающий 60 самолётов.

Даже если учесть, что Мирошниченко детский писатель и книгу «Домик на Всеволожской» он писал исключительно для детей старшего школьного возраста, описание воздушного боя над Ладогой изобилует вымышленными подробностями.

[18] *Мирошниченко Г. И.* Сыны отечества (Гвардии полковник Преображенский). сб. Повести военных лет. *Л.* Лениздат. 1958

Никто из лётчиков 1-го МТАП в своих мемуарах не упоминает о включении в экипаж писателя Мирошниченко пассажиром на боевое задание, да и попытка отбиться от эскадры вражеских истребителей пистолетом ТТ выглядит по меньшей мере нелепо. Конечно, в целях военно-патриотического воспитания подростков можно что-то и приукрасить, но считать своих молодых читателей идиотами всё же нельзя.

На самом деле «*бой с 27 «фокке-вульфами» произошел в январе 1942 года. В воздухе находились полковник Преображенский, Михаил Плоткин, Андрей Ефремов и другие опытные летчики. Когда показалась армада вражеских истребителей, Преображенский скомандовал: «Курса не менять». Огромные ДБ-3 и «фокке-вульфы» стремительно сближались. В последний момент, чтобы избежать столкновения, перед самолетом Плоткина взмыл «фокке-вульф», и стрелок-радист Кудряшов точной очередью сбил его. В этот момент в бой вступили советские истребители, и ДБ-3 продолжили свой полет*»[19].

Гибель героя

Экипаж Михаила Плоткина погиб 7 марта 1942 года при возвращении с боевого задания — минирования фарватера порта Хельсинки, на аэродром Каменка. Произошло столкновение в воздухе в условиях плохой видимости с самолётом под управлением капитана М. А. Бабушкина. В книге Мирошниченко о причинах катастрофы нет ни слова, но зато дана характеристика Плоткина, которая просто выходит за рамки добра и зла.

— «Домик на Всеволожской» (1964), глава «Гибель героя»

«*Михаил Плоткин в домике на Всеволожской подарил мне своё семейное фото...в знак полёта над Ладогой 28.02.1942. На обороте подпись: Григорию Мирошниченко от семьи Плоткиных. В память о вашей новорожденной книге. 28.02.1942. Михаил Плоткин, деревня Трибесово.*

— Это я ещё в Трибесово написал.

Я долго любовался фотографией».

Казалось бы просто несуразица с датами, и что-то вроде «заискивания» знаменитого пилота, Героя Советского Союза перед бездарным писателем, но далее этот писатель выставляет Плоткина самовлюблённым нарциссом. Мирошниченко утверждает, что Плоткин не только ему, а всем окружающим постоянно дарил свои фотографии: «*Целую дюжину он подарил с трогательными надписями полковнику Преображенскому. Вторую дюжину надписал комиссару Оганезову... Подарил фото Борзову, Дроздову, Васильеву, Пяткову, Советскрму, Лорину, Стрелецкому, Шаманову*». А друзья, чтобы посмеяться над ним, специально оклеивали ими стены над своими койками. Он злился и просил снять фотографии. Они снимали, но потом вешали снова. Однажды ночью он поснимал все свои фотографии со стен, но ребята их снова повесили. И всё это, по мнению Мирошниченко, происходило в «домике на Всеволожской», хотя полк в это время базировался в Пестовском районе.

Лучше всего моральные качества писателя охарактеризовала дочь Михаила Плоткина. На вопрос о том, расскажет ли когда-нибудь правду о гибели её отца писатель Мирошниченко, Людмила Михайловна ответила: «*Расскажет, если не будет в запое*»[20].

---

[19] *Узин С. В.* Август 1941-го: еврейский летчик над Берлином. Еврейский обозреватель. № 06/246. Июнь 2013.

[20] Там же

Апофеоз мифотворчества

Но настоящим апофеозом мифотворчества детского писателя Г. И. Мирошниченко стало внедрение в массовое сознание мифа о 43-х Героях Советского Союза, якобы, проживавших в годы войны во всеволожском доме отдыха работников пищевой промышленности Ленинграда.

Каких-либо объяснений, откуда он почерпнул такую информацию, писатель не даёт. Более того, в тексте любой из четырёх его книг, посвящённых лётчикам 1-го ГМТАП, число 43 вообще не встречается.

Единственный раз о количестве Героев Советского Союза в составе полка Мирошниченко упоминает в своей последней книге о лётчиках-балтийцах:

— «Ветер Балтики» (1972), глава «Гвардейцы уходят в ночь»

«*В 1-м гвардейском минно-торпедном полку высокое звание Героя Советского Союза присвоено 39 летчикам; штурманам*», что тоже не соответствует действительности.

В 1-м гвардейском минно-торпедном полку в годы Великой Отечественной войны звание Героя Советского Союза было присвоено 31 лётчику и штурману, это: Н. Ф. Афанасьев (1944), И. Д. Бабанов (1944), Г. С. Бажанов (1944), В. А. Балебин (1943), И. И. Борзов (1944), В. А. Бударагин (1944), Ю. Э. Бунимович (1944), Г. Д. Васильев (1944), А. М. Гагиев (1945), В. А. Гречишников (1941), Р. С. Демидов (1945), В. Н. Евграфов (1944), А. Я. Ефремов (1941), Н. Д. Иванов (1944), П. А. Колесник (1944), Н. Д. Котов (1944), П. Л. Кошелев (1944), В. М. Кузнецов (1945), М. В. Лорин (1944), М. Н. Плоткин (1941), Е. Н. Преображенский (1941), А. В. Пресняков (1944), А. И. Разгонин (1944), А. И. Рензаев (1944), М. А. Советский (1944), П. Ф. Стрелецкий (1944), П. И. Хохлов (1941), В. Т. Чванов (1944), А. П. Чернышёв (1944), И. Г. Шаманов (1944), М. Ф. Шишков (1944).

Ещё несколько лётчиков воевавших в 1-м ГМТАП были удостоены этого звания во время прохождения службы в других частях, в их числе: Г. Ф. Ларионов (1945), А. Е. Мазуренко (1942, 1944), И. К. Сачко (1944), Н. В. Челноков (1942, 1944). Например, Николай Васильевич Челноков в апреле 1942 года был назначен заместителем командира 1-го ГМТАП, а в июне удостоен звания Героя Советского Союза за «*образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство*» по предыдущему месту службы, поэтому в наградном листе от 14 июня 1942 года он значится командиром 3-й эскадрильи 57-го полка 8-й бомбардировочной авиационной бригады ВВС КБФ.

Кроме того, звания Героя Советского Союза был удостоен командир 3-й эскадрильи Н. А. Токарев (1940), но это награждение было произведено «*за образцовое выполнение боевых заданий командования*» в советско-финской войне 1939—1940 годов, а в годы Великой Отечественной войны Н. А. Токарев воевал в составе ВВС Черноморского флота.

В любом случае общее число награждённых не соответствует заявленному писателем.

Что же касается дома отдыха, названного Г. И. Мирошниченко «домик на Всеволожской», то лётчики 1-го ГМТАП размещались в нём вместе с лётчиками 26-го и 123-го истребительных полков ПВО в период с 23 марта 1942-го по 9 сентября 1943 года:

23.03.42. На аэродром Углово перебазировалась 3-я эскадрилья 1-го ГМТАП.

22.04.42. На аэродром Углово перебазировалась 1-я эскадрилья 1-го ГМТАП.

12.05.42. На аэродром Углово перебазировались пять самолётов из 2-й и 4-й эскадрильи.

13.07.42. На аэродром Углово перебазировался штаб 1-го ГМТАП.

04.1943. Штаб 1-го ГМТАП перебазировался с аэродрома Углово на аэродром Приютино.

09.09.1943. Штаб 1-го ГМТАП перебазировался с аэродрома Приютино на аэродром Каменка.

Поэтому в годы войны в «домике» абсолютно точно находились в звании Героя Советского Союза только пятеро балтийцев: В. А. Балебин (22.02.1943), А. Я. Ефремов (13.08.1941), Е. Н. Преображенский (13.08.1941), П. И. Хохлов (13.08.1941), Н. В. Челноков (14.06.1942)

Возможно, в нём отдыхал и Герой Советского Союза М. Н. Плоткин (13.08.1941). Возможно, так как он погиб 7 марта 1942 года, а 3-я эскадрилья, командиром которой он был, перебазировалась на аэродром Углово лишь 23 марта 1942 года. Но учитывая те обстоятельства, что с 29 октября 1941 года аэродром Углово использовался отдельными экипажами 1-го МТАП для дозаправки и перевооружения, в ноябре 1941 года на аэродроме Углово базировались шесть самолётов полка и в дальнейшем, в период с декабря по март 1942 года он использовался для выполнения отдельных боевых задач, исключать такую вероятность нельзя.

Можно только предполагать, что писатель Мирошниченко подразумевал под числом 43. Если он имел ввиду общее количество лётчиков 1-го ГМТАП, которые могли побывать во всеволожском доме отдыха, то они действительно были героями, защитниками Ленинграда и это не вызывает никаких сомнений.

Как писала газета «Смена» (1963): «*В годы Великой Отечественной войны писатель Григорий Мирошниченко находился вместе с балтийскими лётчиками. Вместе с ними жил в одном доме. Этот домик стоял во Всеволожской...*»

«*В домике на Всеволожской жили 43 героя. В одном доме — 43 богатыря! Григорий Мирошниченко и рассказывает сегодня об этом*».

И тут в прессе началось «превращение» лётчиков-героев в Героев Советского Союза.

19 февраля 1963 года в газете «Смена» Г. И. Мирошниченко опубликовал статью «Домик во Всеволожской». В ответ на неё «*в редакцию и к автору рассказа стали поступать многочисленные письма с просьбой рассказать подробней о 43 богатырях. Читатели хотят знать, кто из 43 героев остался в живых, где они сейчас находятся, где работают, как сложилась их жизнь после войны*».

Мирошниченко написал продолжение. Но следующую его публикацию редакция газеты «Смена» предварила сообщением: «*19 февраля 1963 года наша газета опубликовала документальный рассказ Григория Мирошниченко о 43 Героях Советского Союза, живших во время войны в одном домике. Этот домик сейчас знают все жители Всеволожска*», в котором 43 героя-лётчика были, видимо по ошибке, названы 43-мя Героями Советского Союза. Однако Мирошниченко не возразил, а наоборот, ухватился за эту ошибку.

В тоже время в газете «Ленинское Знамя» вышла его статья «43 богатыря», на которую откликнулся майор запаса Григорий Семёнович Селезнёв, в годы войны служивший старшим техником-лейтенантом в 73-м бомбардировочном авиационном полку ВВС Балтийского флота. Через газету «Страж Балтики» ветеран обратился с просьбой «*прислать такой материал для нашей флотской газеты «Страж Балтики»*».

Ответ Мирошниченко: «*Вашу просьбу написать для флотской газеты о 43-х богатырях — Героях Советского Союза, живших в домике на Всеволожской, с удовольствием выполню. Всех этих людей я знал лично, жил с ними во времена блокады Ленинграда. Это действительно редчайший случай, когда под одной крышей вместе находились в короткие перерывы между боями 43 балтийских лётчика, защищавших своей грудью и кровью наш город-герой*».

И с этих пор он начал утверждать, что в «домике на Всеволожской» проживали не 43 героических лётчика, а 43 Героя Советского Союза, посчитав, по всей видимости, опечатку редакции газеты «Смена» лучшей рекламой для своей готовящейся к изданию книги.

Мирошниченко даже поменял её название. Лист с машинописным названием «Домик на Всеволожской» он заменил на пространное, написанное от руки — «*Домик на Всеволожской. Документальная повесть о 43-х богатырях — Героях Советского Союза защищавших Ленинград, Балтийское небо, моря и землю, включая полуостров Ханко. Ленинград. 1964*».

Миф ушёл в народ. И это при том, что после исключения из партии и закрытия в 1965 году газетной рубрики «Домик на Всеволожской» писатель Мирошниченко о 43-х героях напрочь забыл — в его последней книге «Ветер Балтики» (1972) о них нет ни слова.

Наши дни

Прошло почти шестьдесят лет, уже исчезла под многоэтажными домами улица Волковская, рядом с «домиком на Всеволожской» прошла спрямлённая Дорога жизни, но до сих пор в различных краеведческих публикациях бывший дом отдыха работников пищевой промышленности называют «Дом 43-х героев».

Складывается впечатление, что в Г. И. Мирошниченко вселился дух П. П. Свиньина, гениального мистификатора, который ни разу в жизни не был на мызе Рябово, но сумел весьма красочно и с фантастическими подробностями описать празднование дня рождения В. А. Всеволожского в 1822 году. Тогда Свиньин «своими глазами видел» с Румболовской горы бескрайнюю гладь Ладожского озера и огни Шлиссельбурга. Это он создал до сих пор существующий миф о, якобы, первом владельце мызы Рябово — Меншикове, а теперь его место занял Григорий Мирошниченко с мифом о «Доме 43-х героев» и берёзке, которую никто не сажал.

Непонятно только, почему история 1-го ГМТАП до сих пор строится на основании насквозь лживой литературной поделки детского писателя Мирошниченко, в то время, когда существуют мемуары непосредственных участников событий, Героев Советского Союза А. В. Преснякова — «Над волнами Балтики», «На крыльях торпедоносца»; П. И. Хохлова — «Над тремя морями»; М. Ф. Шишкова — «Нас звали «смертниками». Исповедь торпедоносца»[21, 22, 23, 24].

И по прежнему остаётся загадкой, почему многочисленные исследования и публикации о книге «Домик на Всеволожской» десятки лет велись на основании вырезок из газет 1963—1965 годов, а саму повесть, так никто и не прочитал? Её архивный формуляр в ЦГАЛИ с 1964 по 2021 год абсолютно чист.

---

[21] *Пресняков А. В.* Над волнами Балтики. М.: Воениздат, 1979. 299 с.
[22] *Пресняков А. В.* На крыльях торпедоносца. М.: Патриот. 2011. 592 с.
[23] *Хохлов П. И.* Над тремя морями. Л. Лениздат. 1988
[24] *Шишков М. Ф.* Нас звали «смертниками». Исповедь торпедоносца. М. «Эксмо». 2015